

Марина

СЕРОВА

Когда придет твой черед

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Когда придет твой черед

«Научная книга»

2014

Серова М. С.

Когда придет твой черед / М. С. Серова — «Научная книга»,
2014 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

Никто не думал, что крупный преступный авторитет Иннокентий Серебряк может умереть так глупо – не от бандитской пули, а во время празднования собственного семидесятилетия в собственном же ресторане, буквально упав лицом в салат. Среди людей, упомянутых в завещании вора в законе, оказалась частный телохранитель Евгения Охотникова. Для родственников усопшего, как и для самой Жени, это стало полной неожиданностью: ей было «завещано» за весьма солидное вознаграждение найти настоящую наследницу основных активов покойного – внебрачную дочь Машу. Отправившись за девушкой в деревню с веселым названием Волчьи Ямы и без труда обнаружив наследницу, Женя даже не предполагала: на этом выполнение задания только начинается, и все оказалось вовсе не так просто, как выглядело на первый взгляд!

Содержание

Начало	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марина Серова

Когда придет твой черед

Начало

Ресторан «Веселая русалка» располагался в самом центре города Тарасова – на одной из маленьких уютных уочек исторического центра. Здание было старинным – когда-то в нем располагался Первый Купеческий банк, и тарасовские купцы – сплошь миллионщики, торговавшие рыбой, холстами и золотой пшеницей, – выстроили его на совесть. Надеялись, что банк будет служить верой и правдой много лет. Потолки в здании были высотою пять с половиной метров, лестницы мраморные, двери из мореного дуба, пережившего все революции и войны двадцатого столетия.

Октябрьский переворот отправил купцов в небытие. В красивом двухэтажном здании на улице Дорогомиловской прочно обосновались ревком, губком, реввоенсовет и прочие ужасы победившего строя. Потом райком партии оккупировал особняк на последующие пятьдесят лет – до тех пор, пока не случился новый переворот. Какое-то время здание занимали ушлые комсомольцы из бывших вожаков – открыли в особнячке первый кооператив по пошиву джинсов и печати цветных пакетов с изображением Моны Лизы и Аллы Пугачевой.

А потом пришел Серебряк.

Иннокентий Серебряков был вором в законе. Юные, молодые, а также зрелые годы своей жизни он провел в местах не столь отдаленных. Аккурат к перестройке Серебряк освободился и принял стратегически важное решение: разорвать порочный круг «зона – два месяца свободы – новая ходка». Серебряк огляделся и обнаружил, что хорошо жить можно и на родимой сторонке. Это если по-умному. Потому что родимая сторона – то есть областной центр Тарасов – разительно изменилась со времени его последних вольных денечков перед последней отсидкой пятнадцать лет назад.

Тарасов больше не являлся «закрытым», как заколоченный гроб, городом, нашпигованым военными заводами, в котором достать стабилизатор от ракеты было проще, чем купить зимние женские сапоги. Нет, теперь город представлял собой гигантскую потребительскую воронку. И чтобы ее насытить, спешно создавались кооперативы по пошиву одежды, по производству обуви, по лечению зубов… и так до бесконечности.

Серебряк понимал – тот, кто станет стричь и брить всех этих золоторунных овец, сделается не только миллионером, но и фактическим хозяином города.

Проблема в том, что не один Иннокентий Васильевич был таким умным. Так что следующие десять лет своей жизни Серебряк посвятил войнам за власть. Его стараниями тарасовское кладбище украсилось стройными рядами мраморных надгробий, а также гранитными парнями в полный рост. Скульпторы с большим искусством создавали из камня кожаные куртки, золотые цепи и перстни дорогих покойников. А одно надгробие, из черного мрамора, представляло собой полноценный зад «Мерседеса» с лучистой эмблемой и «красивыми» госномерами «САН 666», так как убитого звали Саня, а делами он прославился такими, что, несмотря на относительную молодость, вполне годился в подручные самому Люциферу. В общем, Серебряк постепенно отвоевывал себе место под солнцем, не стесняясь в средствах и не страдая излишним гуманизмом. Разумеется, единовластным хозяином Тарасова, как мечталось поначалу, вор так и не стал, но все же выгрыз себе большой кусок пирога. Бывшие противники исчезали с шахматной доски один за другим – кто-то подставился под пулю или взлетел на воздух в любимом «мерине», кто-то не сумел приспособиться к новым реалиям и сел прочно и надолго… Серебряк оказался умнее многих – он своевременно осознал, по каким схемам

работает государственная машина новой России, и занял в ней скромное место незаменимого винтика. Вор умел быть полезным, но при этом мог заставить себя уважать, он прекрасно знал, где заканчивается граница его влияния, и никогда ее не переступал, не лез в политику, дружил с кем надо... В общем, миллениум – зарю нового тысячелетия – Серебряк встретил бизнесменом, уважаемым в городе человеком. За эти годы Иннокентий перестал быть вором в законе. Серебряков обзавелся собственностью, женился – и не один раз, да и в общак платил от случая к случаю – только когда к нему напрямую обращался кто-то из старых друзей. Жены Иннокентия были все какие-то ненатуральные – сплошь силиконовые дуры, победительницы местных конкурсов красоты, которые Серебряков щедро спонсировал, жены эти скорее годились ему во внучки. Ну, то есть, если бы у Иннокентия Васильевича были дети, способные подарить внуков и внучек престарелому вору. Но в том-то и дело, что никаких детей у Серебряка не было. Иначе и не случилась бы эта неприятная история с завещанием.

Ресторан «Веселая русалка» принадлежал Иннокентию Васильевичу. В свое время он выжил оттуда ушлых комсомольских кооператоров, и за этот особнячок в историческом центре города Серебряку пришлось сражаться не меньше, чем за сервисный центр «Ауди» или ледовый дворец, превращенный в рынок. Так что здание это Иннокентий ценил – оно было материальным доказательством его жизненного успеха – и поэтому именно в нем решил отпраздновать свое семидесятилетие в кругу родных и близких. Таковых набралось сто пятьдесят четыре человека.

Восемнадцатого февраля ресторан был закрыт на спецобслуживание, о чем извещало объявление на стеклянной двери. Впрочем, прочесть его человеку постороннему все равно было невозможно – все подъезды к зданию ресторана перекрыли, а пешеходов вежливо, но твердо направляли на другую сторону улицы. Избранные счастливцы – гости Иннокентия Васильевича – проходили в ресторан сквозь строй мальчиков с короткими стрижками и через рамку металлоискателя. Но никто не был в обиде. Все прекрасно понимали, что дорогой именинник – человек непростой, и враги у него тоже непростые. Хотя к этому времени врагов у Серебряка, почитай, и совсем не осталось. Иннокентий Васильевич их попросту пережил (а некоторых и похоронил собственными руками), и теперь готовился встречать спокойную счастливую старость в достатке, уважении и в окружении любящих родственников.

Зал «Русалки» был оформлен, как предполагало название, в морском стиле – всюду сети, морские звезды, раковины и прочая экзотика. И веселая русалка присутствовала – помимо нарисованной на вывеске – стриптизера из клуба, принадлежавшего юбиляру. Красивая девчина, завернутая в рыбачью сеть и почему-то с трезубцем в руке, как у Нептуна, восседала во главе стола рядом с Иннокентием Васильевичем и призывающе сверкала глазами, в то время как законная супруга – очередная «Мисс Тарасов-2013» – была отправлена на дальний конец стола под крыло к престарелой сестрице юбиляра.

В теплом воздухе колыхались ветви пальм, доносились аппетитные запахи из кухни, и официанты уже готовились внести и водрузить на стол двухметрового осетра. Да будет вам известно, что именно эта рыбина красуется на гербе города Тарасова, так как являлась (вместе с воблой) основой его процветания году этак в тысяча восемьсот девяностом. Так что это была не просто закуска, а некий символ. Но попробовать осетра так никому и не довелось.

В свои семьдесят Серебряк вовсе не выглядел немощным старцем. Он был полным и свежим, и розовое лицо его прекрасно гармонировало с серебристыми волосами, уложенными в лучшей в городе парикмахерской. Элегантный костюм искусно скрывал полноту, и на дальнем конце стола какой-то троюродный брат – военрук в отставке – завистливо крякнул: «Ну, Кеша, старый хрен! Чтоб я так жил!»

Военрук поторопился, загадывая желание. Потому что Иннокентий Васильевич поднял стопочку с водкой и произнес: «Ну, что, начали? За тех, кто пришел сегодня ко мне в

«Русалку». За друзей. За родню. За нас! Чтоб у нас все было, и нам ничего за это не было. А враги наши... Они нехай сдохнут!»

Гости зааплодировали. Серебряк опрокинул стопку в рот и... повалился лицом в закуски.

Сначала никто ничего не понял – гости по инерции еще вяло аплодировали с минуту, переглядываясь – это что, шутка? Стриженые мальчики из охраны первыми поняли, что дело неладно, – они подскочили к хозяину и принялись поднимать грунтовое тело в дорогом костюме.

Когда Иннокентия Васильевича прямо усадили на стул и гостям предстало его перекошенное лицо с выпученными глазами (к щеке прилипла красная икра), юная силиконовая жена на другом конце стола удивленно спросила:

– А что это с Кешей? Почему он не шевелится?

Гораздо более опытная в таких делах русалка прижала ко рту край своей рыбакской сети и пронзительно завизжала.

Так началась эта история.

Глава 1

Меня зовут Евгения Охотникова. Я телохранитель. Живу и работаю в провинциальном Тарасове. Когда-то я состояла на службе в отряде специального назначения «Сигма». На моем счету десятки успешных операций, множество спасенных жизней. Скромность – это не про меня. Я прекрасно знаю себе цену. В Тарасове я – лучшая в своем ремесле.

Это знаю не только я, но и мои клиенты. Вы не найдете моего объявления с предложением услуг ни в газете «Тарасовский вестник», ни в Интернете. Мои клиенты – люди состоятельные. Они бережно передают меня «из рук в руки». Последние несколько лет я работаю практически по рекомендации. Когда возникает потребность в услугах телохранителя, клиенты сообщают друг другу мои координаты с наилучшими отзывами. Точно так же они находят себе домработниц и нянь, но я не в обиде. Высокие гонорары позволяют мне жить так, как я люблю, – проводить отпуск вдали от Родины, баловать свою престарелую тетушку Милу всячими деликатесами, путевками в лучшие санатории (тетя – безнадежный патриот и предпочитает курорты Краснодарского края), а себя – хорошим тренажерным залом, дорогущим спецнаряжением для работы и клубникой в январе. Свой досуг я посвящаю хобби, а оно у меня одно. Я люблю кинематограф и посвящаю два вечера в неделю просмотру фильмов. Я всеядна – люблю классический Голливуд и артхаус, не брезгую американскими блокбастерами и порой поддерживаю отечественного производителя – когда попадается что-то стоящее, конечно.

Телефонный звонок оторвал меня от просмотра шедевра с Бестером Китоном. Фильм был немым, но музыка играла довольно громко, так что я не сразу расслышала заливистую трель мобильника.

Не вставая с дивана, я протянула руку и поймала вибрирующую игрушку – еще минута, и телефон свалился бы на пол.

– Охотникова, – сказала я. Не люблю, когда меня отрывают от любимого занятия, и еще больше не люблю тратить время на бесполезные «алло», «vas слушают, говорите» и тому подобное.

– Охотникова Евгения Максимовна? – уточнил холодный мужской голос. – Родились в городе Владивостоке в тысяча девятьсот…

– Стоп, – сказала я, – возраст дамы – ее маленькая тайна. Давайте к делу. Вы юрист?

В трубке установилась напряженная тишина. Бестер Китон на экране повис на краю небоскреба. Эх, без дублера работает актер! Вот раньше было кино – все без дураков! А сейчас? Нарисуют на компьютере целый мир синекожих хвостатых людей, и рады! Впрочем, «Аватар» я тоже люблю…

– Как вы узнали? – осведомился мой невидимый собеседник.

– Только полицейские и нотариусы называют год рождения человека. Вы к какой категории относитесь?

– Я нотариус.

Я поставила свой домашний кинотеатр на паузу. Разговор предстоял серьезный, не годится вести его под киношку и с попкорном за щекой.

– Слушаю вас очень внимательно, – сказала я и села прямо.

– Меня зовут Иосиф Леонидович Сташевич. Я приглашаю вас на оглашение завещания покойного Иннокентия Васильевича Серебрякова, которое состоится в моей конторе по адресу улица Волжская, дом пять, завтра, двадцать пятого февраля, в четырнадцать часов.

– Серебряк откинулся?! – изумилась я. Иннокентий Васильевич был известной личностью, и я была наслышана о нем, как и все в нашем городе. Пересекалась с ним и лично, но всего пару раз. Несмотря на почтенный возраст, старый бандит производил впечатление человека, который переживает всех своих врагов. И тут вдруг помер?!

— А вы не знали? — удивился нотариус. — Это громкое дело, в Тарасове, вероятно, нет ни единого человека, кто не знал бы об этом.

— Меня не было в городе, — ответила я.

Предыдущие десять дней я провела на острове Хоккайдо в компании одного приятного молодого человека. И как раз сегодня, глядя на кувыркающегося Бестера Китона, подумывала о продолжении отношений. Молодой человек чем-то походил на знаменитого комика — грустными глазами, быть может? За десять дней, что мы провели вместе, он ни разу не дал мне повода пожалеть об этом.

— Иннокентий Васильевич Серебряков скончался восемнадцатого февраля и похоронен на Центральном кладбище.

«Да, в окружении себе подобных!» — подумала я и тут же прикусила язык. Какая ты все-таки циничная, Охотникова! Человек, может, мирно помер от старости. Земля ему пухом.

— А при чем тут я?

— Дело в том, что вы упомянуты в завещании покойного.

— Что?!

Я едва не свалилась с дивана. Когда я последний раз видела Серебрякова, он стоял на мосту через Волгу, а с моста свисало тело моего клиента — еще живое и дрыгающееся, но сплененное, точно мумия. Двое крепких ребят держали моего клиента за ноги, и мне понадобилось сорок пять минут и весь опыт ведения переговоров, чтобы Серебряк приказал вернуть несчастного в нормальное положение. Я убедила старого бандита не повторять ошибок Стеньки Разина и не топить в Волге того, о ком он вскоре пожалеет. На прощание Серебряк сказал мне: «Ну, ты ушлая баба!» Очевидно, это был комплимент. В тот момент я этого не оценила — торопилась поскорее увезти клиента в безопасное место. Очевидно, Иннокентий меня все же запомнил. Вон, даже в завещании упомянул. Вот было бы здорово, если бы Серебряк оставил мне в наследство ледовый дворец! Я бы выгнала оттуда продавцов поддельных шуб и самоварного золота и открыла бы детскую спортивную секцию! А что? Тоже хорошее дело... хотя нет, от старого бандита я даже скрепки не возьму. Потому что на этой самой скрепке чья-то кровь.

Так что я всего разок вздохнула, прощаясь с мечтой о жизни состоятельной дамы, и решительно сказала:

— Иосиф Леонидович, мне ничего не нужно. Я отказываюсь от своей доли наследства в пользу родных и близких покойного. Так им и передайте.

Нотариус молчал что-то уж очень долго, и я осведомилась:

— У него ведь есть родные и близкие?

— О да! — Нотариус откликнулся с таким энтузиазмом, что я сразу поняла — родных и близких у покойного миллиона очень много. И завещание — не такая уж простая и однозначная вещь, как может показаться.

Ну что ж, это проблемы нотариуса, а вовсе не мои.

— До свидания, Иосиф Леонидович, — попрощалась я вежливо. — Рада была с вами познакомиться.

— Подождите! — переполошился нотариус. — Но ведь вы придетете на оглашение завещания завтра, в четырнадцать ноль-ноль?!

— Зачем? Мне ничего не нужно, я же сказала.

— Но покойному кое-что нужно от вас, уважаемая госпожа Охотникова!

— Простите? — Мне показалось, что я услышала.

— Понимаете, — мялся нотариус, — покойный завещал вам не деньги и не имущество.

Скажем так, он завещал вам работу.

— Что завещал?! Работу? Ну, знаете! Ни разу в жизни не работала на покойника!

Нотариус вежливо переждал мой приступ истерического смеха, потом уточнил:

— Так я жду вас завтра у себя в конторе?

– Ждите, – сказала я и повесила трубку. Да, из чистого любопытства стоит поехать туда и узнать, что же имел в виду нотариус...

На следующий день без четверти два я заглушила мотор своего «Фольксвагена» напротив конторы уважаемого Иосифа Леонидовича Сташевича. Нотариус занимал первый этаж старинного особнячка в самой лакомой части города, из чего я сделала вывод – Иосиф Леонидович обслуживает не абы кого, а привилегированную часть общества. Без пяти два я вошла в контору. Почтенная секретарша проводила меня в кабинет нотариуса, где и должно было состояться оглашение завещания.

В кабинете стоял гул голосов – как в театре перед началом представления. До того, как прозвенит третий звонок. Иосиф Леонидович – солидный мужчина в темном костюме и стильных очках – восседал во главе длинного стола и видимо имел несколько растерянный. В кабинете – весьма немаленьком – было много людей, которые, очевидно, и являлись родными и близкими покойного.

– Попрошу тишины! – воззвал нотариус, стараясь перекричать публику. Собравшиеся немедленно замолчали и повернулись к Сташевичу. Завещание – вот что привело сюда всех этих людей, и теперь наступал ответственный момент. Некоторые в нетерпении даже поднялись со стульев и так и остались стоять.

Я немедленно воспользовалась этим и заняла освободившееся место. По опыту знаю – дело предстояло долгое и нудное. Так что я устроилась поудобнее и подготовилась слушать. Сидевшая рядом со мной немолодая пышная блондинка в блестящей кофточке и юбке где-то вцепилась в руку мужа – по виду отставного военного.

– Светик, не волнуйся так! Тебе вредно! – попытался приободрить блондинку муж. Но та не отрывала горящих глаз от нотариуса, и весь мир перестал для нее существовать. Я обратила внимание на гигантские сапфировые серьги – очень много золота и очень много сапфиров. Они оттягивали мочки ушей женщины так, что вполне заурядная дама походила на загадочные статуи острова Пасхи.

Нотариус встал, откашлялся и начал читать. В кабинете стояла жадная тишина, и каждое слово падало в уши собравшихся, как зернышко в клюв голодного птенца.

– В соответствии с законодательством Российской Федерации... – читал Сташевич.

Я его не слушала, а изучала лица родных и близких. Ну-да, публика подобралась самая разношерстная. Вот эта юная фея с длинными платиновыми волосами, в коротеньком платье и с силиконом под кофточкой – это, простите, кто? Дочка? Внучка покойного?

А пожилая рыжеволосая женщина с самыми настоящими усами под крючковатым носом и глазами такими холодными, как лезвия коньков на льду, – кто она? Ну, двое стриженых мужчин среднего возраста в свитерах с оленями – это понятно. Такие бычьи шеи и пивные животы имеют только кореши Иннокентия, удачно пережившие девяностые...

– ...завещание покойного Серебрякова Иннокентия Васильевича, тысяча девятьсот сорок четвертого года рождения, уроженца села Рыбушка Тарасовской области...

Надо же, а Серебряк деревенский... Приехал, поди, году так в шестидесятом поступать в ПТУ, да так в городе и остался. Воображение живо нарисовало мне юного Кешу Серебрякова, с тонкой шеей и натруженными руками. Папка, наверное, на войне погиб... «Эх, бедолага! Когда же тебя по кривой дорожке понесло!» – пригорюнилась было я. Но потом вспомнила физиономию моего клиента, свисающего с моста, и еще всякие слухи о деятельности Серебряка в разудальные девяностые, и жалость куда-то испарилась.

Так, ну скоро там до меня доберутся?!

Пока нотариус перечислял активы покойного, называл незнакомые мне имена, я продолжала изучать толпу родственников. Ох, какой интересный экземпляр! Что он делает в провинциальном тихом Тарасове? Такому место на океанских лайнерах – обольщать дочек миллионеров, вальсируя с ними по палубе под светом тропических звезд. Молодой человек

почувствовал, что на него смотрят, и смерил меня неприятным колючим взглядом темных глаз. Волосы у него были угольно-черные, длинные, кожа оливково-смуглая, очень чистая. Но черты лица европейские, никакой восточной томности. Красивый мальчик, лет двадцати пяти на вид. Слушал он не очень внимательно. Из этого можно сделать вывод – юноша не был близким родственником и при дележке пирога не мог рассчитывать на что-то значительное.

Заглядевшись на демонического красавца, я пропустила окончание завещания. Но моя фамилия там не звучала – это точно. Слушала я с пятого на десятое, так как все равно не была знакома ни с одним из присутствующих. Я стараюсь не загружать свой мозг бесполезной информацией – ему и так порой несладко приходится…

– Такова нотариально заверенная воля покойного, – сообщил присутствующим Иосиф Леонидович и снял очки.

Зал взорвался. Я закрыла уши руками. Прямо как на стадионе!

– Пожалуйста, успокойтесь! Не волнуйтесь! – нотариус пытался перекричать толпу родственников, но это было все рано что заткнуть Ниагарский водопад.

В дверь просунулась седая голова секретарши. Женщина вопросительно посмотрела на хозяина, но нотариус отрицательно покачал головой, и та скрылась. Полицию они собирались вызывать, что ли?

Сташевич уселся в кресло, сложил руки на животе и погрузился в ожидание. Наконец крики и вопли стали стихать – родные и близкие выдохлись. Когда в кабинете воцарилась тишина, Сташевич поднялся и сказал:

– Благодарю. Я могу продолжать?

– Погоди-ка, – с места поднялся один из братков в свитере с оленями. – Может, я чего не догоняю… Но это правда, что Серебряк оставил братве полиграф? Или ты чего попутал?

О чём это он?! Какой полиграф?

– В завещании Иннокентия Васильевича никакая «брата» не упомянута, – нотариус поджал губы. – Зато вам, Олегу Петровичу Вишнякову, а также Георгию Сергеевичу Гапкину, – нотариус совершил легкий поклон в сторону второго типа с оленями, – господин Серебряков действительно оставил контрольный пакет акций Тарасовского полиграфического комбината. Что-то не так?

– Да на хрена нам эта дрына?! – возопил браток. – Я чё, на старости лет должен производством заниматься? Нет, ты мне скажи?

Я поняла, кто передо мной. Это были Вишня и Гапон – жутковатые призраки девяностых. Серебряк оставил представителям тарасовской братвы полиграфический комбинат – предприятие, требующее постоянных денежных вливаний, средства для которых старый вор брал из остального своего бизнеса. Несчастные владельцы комбината не знали, что с ним делать. Это ведь вам не сауна с девочками… Мне стало смешно. Ну, Серебряк! Ну, забавник!

– Почему она, – толстый палец Вишни указал на усатую старушку, – получает меховые магазины, а мы какую-то срань?!

Старушка вскочила. Усы ее воинственно встопоршились, она прижала к груди сумочку из крокодиловой кожи и ледяным тоном парировала:

– Потому что сеть меховых бутиков и так принадлежала мне. Де-факто, так сказать. А теперь и де-юре. Магазины называются «Нинель». То есть названы моим именем. Я – Нинель Васильевна Серебрякова. Я носила покойному передачи в тюрьму в течение пятидесяти лет – еще с тех пор, как Кешу посадили по малолетке в шестьдесят первом. Иннокентий был мне родным братом. Он сказал мне: «Нина, ты больше ни в чем не будешь нуждаться» – и подарил магазины. А вот вы кто такой? Вы даже не родственник!

– Молчи, шалава старая! – огрызнулся Вишня.

Нинель Серебрякова пожевала сухими губами и сказала:

– Ты об этом пожалеешь, мальчик.

– Прошу вас, не надо конфликтов! – забеспокоился нотариус. Действительно, кто их знает – родных и близких покойного. Вдруг у каждого в сумочке волына?! Как пойдут дырявить друг дружку…

– Но я ведь тоже его сестра! – вскочила увядшая блондинка с сапфирами в ушах. – Почему все Нине?!

– Светик, сядь! – забеспокоился отставной военный.

– Мама, прекрати! – простонал демонический красавец.

– Ты – всего лишь троюродная сестра, Светлана, – отчеканила Нинель, – а я родная! Я Кешу на коленях качала!

– Зато он жил у нас в доме, когда приехал в Тарасов! На полу спал на матрасике! – взвыла блондинка.

Нотариус поднял брови:

– Вы получаете аптечный пункт «Здравушка». Вы недовольны завещанием?

– Я рассчитывала на большее! – гордо вскинула голову Светлана.

– Завещание составлено в соответствии с законодательством, – покачал головой Сташевич. – На момент подписания Иннокентий Васильевич находился в здравом уме, о чем имеется соответствующий документ… Кстати, господин Серебряков предупреждал меня о чем-то подобном, но я не ожидал такой реакции, простите.

Да ладно! Ни за что не поверю, что милейший господин Сташевич впервые в жизни становится свидетелем подобной сцены! Завещание – штука опасная. Битвы за собственность ведутся годами и способны сделать лютыми врагами даже ближайших родственников.

– Это неправильное завещание! – заявил вдруг молчавший до сих пор Гапон. – Поддельное. Не мог Серебряк такого написать. Ты, крыса бумажная! Давай сюда правильный документ!

Нотариус опешил. Шум возобновился с новой силой. Я мирно сидела на стульчике и разглядывала свои ногти. Кажется, пора обновить маникюр…

– Стойте! Подождите! – Голосок юной силиконовой блондинки был таким звонким, что прорезал гвалт голосов. Все замолкли. Девушка поднялась и подошла к нотариусу. Остановилась, балансируя на высоченных каблуках, напоминающих козы копытца. Положила руку с длинющими акриловыми ногтями на плечо Иосифа Леонидовича. Сташевич в ужасе отшатнулся, но блондинка держала крепко.

– Я не понимаю! – сморщила лобик девушка. – Я ведь законная жена Кеши… Иннокентия Васильевича. Я думала, все должно достаться мне. Разве по закону положено не так?

И она беспомощно посмотрела на Сташевича. Да, такой взгляд действует на мужчин безотказно, и даже старого гриба превращает в рыцаря, готового ради прекрасной дамы на подвиги – а именно: покупку шубки из щипаной норки и недвижимости в Чехии для красавицы. Нотариус приосанился и принялся подробно объяснять про наследников первой и второй очереди, но потом взглянул на чистый лобик и ясные глазки юной вдовы – и сдался.

– Комбинат, магазины, аптека какая-то… Это все семечки. Ты скажи, законник, кто получает главное – рестораны, гостиницы и заправки? – выразил общую мысль Вишня. – Я что-то не досышал.

Иосиф Леонидович откашлялся:

– В соответствии с последней волей покойного Серебрякова Иннокентия Васильевича гостиничная сеть «Греция», включающая в себя гостиничные комплексы «Геркулес», «Гефест» и «Персефона», а также ресторанная сеть, включающая ресторанный комплекс «Тары-растабары», «Веселая русалка» и «Сталевар», автомобильный сервисный центр «Тарасов-Тачка»…

Нотариус нудно и подробно перечислял названия и адреса, но никто его не прерывал – напротив, все слушали, как дошкольники сказку.

– …наследует Сидорова Мария Владимировна, тысяча девятьсот девяносто шестого года рождения.

Наследники недоуменно переглядывались. Очевидно, личность главной наследницы являлась для них тайной.

– Это что за мокрощелка? – раздался в полной тишине голос Гапона. Родные и близкие загомонили наперебой, высказывая предположения, за какие именно заслуги не известная никому Мария стала главной наследницей. Силиконовая жена выглядела растерянной – она хлопала длинющими накладными ресницами. Нинель схватила ее за руку и судорожно мяла свою старомодную сумочку.

Нотариус поджал губы.

– Мария Владимировна является дочерью Иннокентия Васильевича Серебрякова.

В кабинете наступила гробовая тишина.

– Да не было у него никакой дочери! – взвыла троюродная сестра Светлана.

– Мама, заткнись! – угрожающим тоном произнес демонический красавец.

– Не смей так разговаривать с матерью, Владимир! – оскорбленно вскинула тройной подбородок женщина. – Я стараюсь ради твоего будущего! Кеша оставил тебе всего лишь свой старый «Астон Мартин», а автосалоны завещал никому не известной девчонке!

Владимир сжал руками виски, как будто у него сильно болела голова. В исполнении любого другого парня этот жест выглядел бы ненатуральным, картиенным… но Владимир выглядел как звезда немого кино, поэтому для него это было органично.

Я подумала, что было бы забавно завести ни к чему не обязывающий роман с таким вот персонажем – элегантным, утонченным, похожим на вампира. Такого, признаюсь, у меня еще не было.

Я улыбнулась парню уголками губ, демонстрируя солидарность по поводу идиотского поведения его мамаши. Но Владимир не принял подачу – напротив, смерил меня крайне неприязненным взглядом. Ну и пожалуйста, не очень-то и хотелось…

– Кто это – Мария Сидорова? – подала голос юная вдова. – И как она может быть его дочкой, если он Иннокентий, а она Владимировна?! Никак не может!

Приведя столь блестящее умозаключение, вдова с победным видом оглядела публику. Многие закивали, соглашаясь. Но я остановила взгляд на сестре покойного. Нинель откинулась на спинку кресла. Сумочку она стиснула так, что побелели костяшки пальцев – скрюченных артритом, но украшенных бриллиантовыми кольцами. Сестра хранила загадочное молчание, из чего я сделала вывод – есть, по крайней мере, один человек, для кого существование таинственной Маши не является полной неожиданностью.

– Слушайте, но ведь Сидоровых Маш… миллионы! – вступил в разговор отставной военный – отец демонического Владимира. – Как же ее искать-то?!

Нотариус оживился. Разговор миновал стадию воплей и упреков и теперь переходил в практическую плоскость. Иосиф Леонидович наконец-то почувствовал твердую почву под ногами.

– Ну, во-первых, не миллионы, а скорее тысячи. Во-вторых, нам известен год рождения – тысяча девятьсот девяносто шестой, и место рождения – город Тарасов. Это существенно сужает круг поисков. К сожалению, мы не располагаем более подробными сведениями о девушке. Скажем так, количество возможных кандидаток исчисляется сотнями. Нужно просто проверить всех и отнести, так сказать, ненужных. Тогда мы получим искомую Марию Сидорову…

– Но позвольте! Кто будет ее искать?! Что мешает любому из нас найти какую-нибудь Сидорову Машу и заявить, что она и есть та самая?! – высказал здравую мысль интеллигентный мужчина в очках и тупоносых ботинках – по виду врач. Сидящая рядом с ним женщина с короткой стрижкой дернула супруга за рукав:

– Виталик, зачем ты такое говоришь?!

Но Сташевич довольно кивнул:

– Покойный предусмотрел и такой вариант. Поэтому в завещании оговорено, что поисками Марии будет заниматься специальный человек. Знакомьтесь – Евгения Максимовна Охотникова.

Все взгляды обратились на меня. Я закинула ногу на ногу, сцепила пальцы на колене и вызывающе вздернула подбородок. Не люблю, когда на меня так пялятся.

– Уважаемый Иосиф Леонидович, для меня это полнейшая неожиданность, – сказала я. Лучше уж сразу расставить все точки над «и».

– Что ж, покойный очень высоко вас ценил, – сообщил мне нотариус. – В завещании специально оговорено, что поиски дочери Серебряков доверяет только вам, и никому другому.

Надо же! Ценил он меня! Ну, спасибо тебе, Серебряк! Тронута до глубины души…

– К сожалению, я вынуждена отказаться. Пусть кто-нибудь другой займется поисками.

Красавец Владимир слегка привстал, демонстрируя готовность приступить к поискам хоть сейчас. Братки тоже не остались в стороне. Ох, боюсь, с их помощью не меньше четырех Сидоровых Маш окажутся в этом кабинете еще до конца рабочего дня…

– Но почему вы отказываетесь? – изумился Сташевич.

– Дело в том, что это не мой профиль работы. Я телохранитель, а вовсе не частный детектив. Могу посоветовать родственникам покойного обратиться в соответствующее агентство. Девушку найдут быстро и по разумной цене.

– Но Иннокентий Васильевич совершенно ясно и недвусмысленно высказал свою волю – он поручает это дело вам! – не отставал нотариус. – Кстати, за поиски Марии предусмотрено вознаграждение в размере пятисот тысяч рублей.

– Скока-скока?! – не веря своим ушам, переспросил Вишня.

Все смотрели на меня. Заманчиво, конечно. Я уже знаю, откуда начать поиски Маши… Заработать пол-лимиона за несколько дней работы чрезвычайно заманчиво… А, собственно, чего я ломаюсь? Никакого криминала в этом деле нет. Все чисто и благородно – нужно найти наследницу. Этакая современная Золушка… Вот удивится Сидорова Маша, когда узнает, что стала наследницей финансовой империи вора в законе! Пожалуй, стоит согласиться.

– Хорошо, – сказала я. – Но у меня есть условия. Первое: я могу задавать родственникам господина Серебрякова любые вопросы, касающиеся семейных дел. И второе: я не обязана отчитываться ни перед кем, кроме господина Сташевича, до окончания дела. Только так.

Нотариус довольно кивнул. Такой способ ведения дел он понимал.

– Что ж, разумно. Думаю, никто не станет возражать. Все согласны с условиями Евгении Максимовны?

Родственники переглядывались. Я прямо-таки видела, что происходит в их мозгах, какие хитроумные планы там составляются, какие блестательные комбинации прокручиваются… Нет, ребята! Я вижу вас впервые в жизни. Но я видела достаточно. Никаких контактов ни с кем, кроме любезного и здравомыслящего Иосифа Леонидовича.

– Я начну сегодня. Понимаю, что все присутствующие заинтересованы в скорейшем завершении поисков. Мне нужны средства на расходы – предстоят поездки, переговоры и тому подобное.

– Разумеется, – кивнул нотариус. – В завещании выделен специальный фонд в пятьдесят тысяч рублей для поисков наследницы. Отчитываться за расходование средств из фонда вы будете передо мной.

Приятно иметь дело с профессионалом! Все четко, ясно и прозрачно.

– И еще одно… Скажите, что будет, если наследница… не будет найдена? Ведь в жизни всякое случается. Вдруг ее машина сбила? Или она в Волге утонула? Или проживает за грани-

цей? – Кажется, я озвучила мысль, которая терзала всех присутствующих. Настала гробовая тишина.

– Если Сидорова Мария Владимировна проживает за границей, вы будете искать ее до тех пор, пока не найдете. Фонд средств для поисков можно увеличивать на неограниченную сумму.

Ого! Мне что, до Страшного суда теперь искать эту самую Машу?! Кажется, я обеспечила себя работой до конца дней своих... Может, искать ее помедленнее? А что, денежки-то все равно капают...

Поймав себя на недостойной мысли, я почувствовала глубочайшее отвращение. Стыдись, Охотникова! Ты всего полтора часа пообщалась с этой семейкой и уже усвоила некоторые из их привычек, да?! Образ мыслей уж точно...

– А вот в случае, если наследница действительно умерла... тогда в действие вступает законодательство Российской Федерации, и наследство Иннокентия Васильевича будет разделено между его родственниками в порядке очередности родства.

Родные и близкие заволновались. Это что же получается? Если Машу Сидорову не найдут, Гапон и Вишня вообще вылетают из списка наследников? Или все-таки получат свой полиграфический комбинат – скорее изdevку, чем активы... Зато силиконовая вдова и престарелая сестра покойного становятся наследниками первой очереди! Насколько я помню, вдова сейчас получает только квартиру в центре и две шубы. Кусок пирога, который светит девушке в случае смерти Маши Сидоровой, куда аппетитнее – гостиницы, рестораны, автомобильный бизнес...

Я подняла глаза и обнаружила, что все присутствующие смотрят на меня с задумчивым выражением на лицах. Я встала.

Да, умен был покойник – не зря он нанял для поисков дочки постороннего человека. Мне нужно убраться отсюда до того, как первый человек из числа родных и близких покойного предложит мне состояние за то, чтобы убрать Машу Сидорову с лица земли. Теперь я поняла, за что Серебряк положил мне такое щедрое вознаграждение. А я-то думала, что полмиллиона – просто приманка! Нет, Охотникова, тебе предстоит отработать каждую копейку из этих денежек.

Один из моих любимых фильмов – «Миссия невыполнима». Там специального агента играет еще молодой и красивый Том Круз. Так вот, моя миссия... ну, не то чтобы совсем уж невыполнима. Но побегать-пострелять, похоже, придется. Ни секунды не сомневаюсь – едва я выйду из конторы нотариуса, родственники все как один вступят в игру... Я плохо представляю себе, на что они способны. Нет, это-то как раз яснее ясного... Скорее мне неизвестны их возможности. Но понятно одно: все они – люди небедные и могут нанять любого профессионала для того, чтобы остановить меня.

И подумать только, я хотела еще на недельку задержаться на Хоккайдо! Кто мне мешал? Какая сила потянула меня домой?! Ладно, Охотникова. Хватит скучить. Пора работать. Ведь ты же сказала «да!».

Так что теперь у меня две задачи – одна попроще, вторая потрудней. Первая – разыскать нужную Машу Сидорову среди сотен однофамилиц и тезок. А вторая задача – сделать так, чтобы наследница империи Серебряка осталась жива.

Глава 2

Следующее утро застало меня в чужой постели. Постель была широкой и очень удобной, и я не испытывала ни малейших сожалений по поводу того, что не ночевала дома. В конце концов, свое совершеннолетие я отпраздновала уже давно, я не замужем и не обязана ни перед кем отчитываться. Поскольку я живу вдвоем с пожилой тетей, устроить свидание на моей территории просто немыслимо. Поэтому я раз и навсегда выбрала для себя ту линию поведения в любовных делах, которую обычно выбирают мужчины – приятный вечер в чужой квартире, вино, музыка и свечи (еще я люблю ароматические палочки). А утром – до свидания, детка, спасибо за чудныйекс!

Не подумайте, что я соблазняю бедных мужчин и оставляю их проливать слезы над своей фотографией и подаренным на двадцать третье февраля галстуком. Ничего подобного. Связи на одну ночь я вообще не люблю. Это большая редкость, особенно в последние годы. Обычно я предпочитаю курортные романы, причем желательно за границей – это позволяет с легкостью прерывать отношения, не доводя до стадии предложения руки и сердца.

Моя тетя спит и видит, как бы побыстрее спихнуть племянницу замуж – она считает, что бегать с пистолетом под мышкой в моем возрасте несолидно, что мне пора остеиниться и завести семью. В принципе не возражаю – я не какая-нибудь жененавистница. Просто я пока не встретила человека, который отвечал бы всем моим требованиям. У меня длинный список качеств предполагаемого кандидата – в нем восемнадцать пунктов, и пока никто не соответствовал даже половине. Самые длительные отношения связывали меня с подполковником BBC Израиля Йосефом Бар-Леви.

Познакомились мы, когда я пыталась выяснить, кто похитил мальчика-аутиста, которого я везла к его отцу в Израиль. Подросток пропал в аэропорту Франкфурта, и мне пришлось изрядно попотеть, чтобы вернуть мальчишку родителям. Йосеф помог мне освободить заложника. Мы встречались четыре месяца. То я летала в Израиль, то Йося приезжал в Россию. Правда, в перерывах я занималась своей работой, но без особого азарта. Йосеф был комиссован из армии, и у него оказалось свободного времени хоть отбавляй. Мы прекрасно проводили время вместе, если бы не одно «но». Подполковник привык быть «вожаком стаи» – именно он должен принимать решения, а окружающие обязаны ему подчиняться. Но проблема в том, что я вела себя точно так же. Я тоже «вожак стаи», и быть подругой вожака мне как-то… неуютно. Чего-то не хватает.

Когда-то я увлекалась изучением психологии животных. Я познакомилась с ребятами – аспирантами биофака и проводила довольно много времени вместе с ними, изучая волков. Волки в наших краях – большая редкость, встретить их в дикой природе практически невозможно. На наше счастье, у биологов была уникальная возможность для наблюдения над хищниками. Один тарасовский предприниматель, из тех, кого раньше называли «новыми русскими», а теперь не называют никак – потому что они давно уже не отличаются от остального населения ничем, кроме толщины кошельков, – так вот, этот самый человек завел у себя в поместье волков. Ему прислали их друзья – на охоте они застрелили волчицу, а малышей переправили в Тарасов. Благо поместье у нашего общего друга было такое, что там вполне можно выращивать слонов. Или львов разводить. Но хозяин решил воспитать маленьких волчат по науке – чтобы они выросли не ручными собачками, а стали настоящими полноценными хищниками. Для этого он подрядил группу аспирантов, и те с радостью (и за хорошие деньги, конечно) ухватились за такую уникальную возможность. Ну а я просто присоединилась к ним, вначале – потому что работала на хозяина волков, охраняя его дочку, а потом мне стало интересно, чем это таким занимаются биологи.

Стас отгородили приличный участок, и эксперимент начался. Участок был нашпигован камерами, в том числе и инфракрасными, так что мы могли и днем, и ночью наблюдать за жизнью подопечных. Собственно, большую часть дня наши волки дрыхли, а самая интересная жизнь начиналась как раз по ночам.

Для того чтобы не приучать волчат к человеку, чтобы они не стали от него зависеть, ребята создали для малышей имитацию дикой природы. Пока волчата были маленькими, их кормили из бутылочки, но стоило им подрасти, как лафа закончилась – теперь малышам приходилось учиться всем премудростям волчьей жизни. И ничего, что учили их этому не мама с папой, а дипломированные биологи.

Каждый день кто-то из ребят отправлялся на дежурство. Выглядело это так – парень раздевался догола и натягивал странную одежду – комбинезон, который никогда не стирали. Зато он превосходно сохранял все запахи волчьей стаи, и волчата принимали пришельца как своего. За двое суток до визита в стаю бедняга не мылся, не ел чеснока, лука и приправ и не чистил зубов, потому что у волков очень тонкое обоняние, и чуждые запахи раздражают их.

Пока волчата росли, доброволец выполнял роль няньки, какую настоящие волки доверяютувечным членам стаи. А когда волки подросли, человеку пришлось занять в стае место... как бы это помягче выразиться... внизу иерархической лестницы. В волчьей стае существует четкая иерархия – есть альфа-самец и его волчица, есть два или более бета-самца, есть молодняк и самки, старые и больные члены стаи... Но место в иерархии определяется исключительно физической формой, крепостью челюстей и в небольшой степени умом и хитростью. Так что человеку с его слабыми челюстями ничего не светило, несмотря на высшее образование.

Доброволец жил со стаей, а остальные наблюдали и фиксировали жизнь волчьего сообщества. Я приезжала к ним каждую свободную минуту. Меня совершенно заворожил правильный, четкий и предельно иерархичный мир волчьей стаи. Признаюсь, в какой-то момент мне захотелось натянуть комбинезон и войти в стаю в качестве своей. Стать волчицей, пусть ненадолго.

Но случилось то, чего никто не ожидал. Владельца волков застрелили во время передела собственности. Его земли достались победителям. Эксперимент был прерван. Биологи вернулись в университетские стены, разрывая на себе одежду от горя и сокрушаясь, что не удалось довести эксперимент до конца. Но денег для того, чтобы содержать целую волчью стаю в привычных им условиях, скормливая хищникам по корове в неделю, ни у кого не было. Так что волков просто выпустили в дикую природу. Отвезли подальше от человеческого жилья...

Так вот, возвращаясь к нашим с Йосефом отношениям – первое время я соблюдала роль альфа-волчицы. А потом что-то пошло не так. К тому же Йосеф очень хотел детей – много кудрявых мальчиков и девочек. Он был бы отличным отцом... Вот только я не готова была к роли матери. Так что мы расстались, и с тех пор я старалась не заводить серьезных отношений. Слишком дорогой ценой далась мне вся эта история...

Я еще немного повалялась и поняла, что пора вставать. Завернулась в халат и отправилась на кухню, откуда доносился аромат свежесваренного кофе. Алеша улыбнулся мне и протянул чашку.

– Доброе утро. Вот, попробуй. Это с корицей и перцем.

Я отпила кофе и присела за стол, жмурясь от удовольствия.

Кухня была маленькая, но чистенькая. Алексей Львович Григорьянц был старый холостяк – много лет он прожил, ухаживая за своей мамой, а потом она умерла, и Алексей понял, что время для женитьбы упущенное. У него не было ни единой причины для того, чтобы заводить семью. Алеша прекрасно готовил, и рубашки его сияли крахмальной свежестью. Женщины были рады, когда на них обращал внимание этот симпатичный вежливый человек с манерами дореволюционного профессора. Алеша умел красиво ухаживать... но что особенно важно – он умел красиво расставаться. Ни одна из его бесчисленных подруг не таила на него обиды –

напротив, они сохраняли самые лучшие воспоминания о нем и были рады прийти к нему на помошь – привезти аспирин и малиновое варенье, найти ветеринара для кота или посоветовать хорошего доктора.

Кота своего Алексей обожал. Это было единственное наследство, доставшееся ему от матери. Алеша часто шутил, что он – тот самый младший сын из сказки про кота в сапогах, получивший в наследство умное и полезное животное, и ничего кроме этого.

Ничего полезного в его коте Мартине я не видела. Ленивое животное, флегматичное, как все кастраты. Но из вежливости я ничем не выдавала своей неприязни. К слову, умная скотина тоже меня не любила. Зато меня любят собаки. Вероятно, чуют родственную душу...

– Ты волшебник! – сказала я, допивая кофе. – Вернулся меня к жизни за пять минут.

– Рад стараться! – засмеялся Алексей. – Кстати, пока ты спала, у тебя дважды звонил телефон. Мне пришло унести его подальше, иначе он бы тебя точно разбудил.

Вот из-за таких вещей я и живу одна. Милый, тактичный Алеша просто не мог предположить, что бывают случаи, когда вовремя не принятый телефонный звонок может стоить кому-то жизни...

Мы с Алексеем словно жили на разных берегах одной и той же реки. На моей стороне хлопают выстрелы, взлетают на воздух подкинутые взрывом машины, звучит сирена тревоги... а на Алешином самое страшное, что может случиться, – это потекший кран. Потому что ссантехникой мой приятель не ладит, и кран означает долгую возню с поисками мастера, который придет и все починит, и тому подобное.

– Ты не мог бы вернуть мне телефон? Спасибо. – Я взяла свой мобильный, который заботливый друг спрятал под кухонное полотенце, и просмотрела вызовы. Дважды мне звонила тетушка Мила. Причем оба вызова – часа два назад. Я с трудом подавила желание выругаться. Мой тете много лет, мало ли что может случиться! Все-таки мужчины бывают на редкость бесполковы.

Я нажала кнопку вызова. Тетя ответила сразу – точно караулила у телефона.

– Доброе утро, Мила. Что-то случилось?

– Женечка! – с облегчением вздохнула тетя. – Я так волновалась!

– Почему ты волновалась? – поинтересовалась я осторожно. – Вчера вечером я предупредила тебя, что ночую не дома. Что произошло?

Тетя вздохнула:

– Не хотела тебя беспокоить, но я просто больше не могу. Сегодня с раннего утра нам назначивают какие-то люди. Все хотят с тобой встретиться и очень сердятся, когда я говорю, что понятия не имею о твоем местонахождении!

Ну вот, началось! Это родные и близкие покойного Серебряка пытаются выйти со мной на контакт. Надо же, как быстро они раздобыли номер моего домашнего телефона!

– Прости, Мила, это из-за моей работы. Отключи телефон. Если что, звони мне по мобильному.

Не так давно я купила тете мобильный – продвинутую модель, и тетя боится к нему пристрагиваться: говорит, что умное устройство как-то нехорошо на нее смотрит. Очевидно, имеется в виду глазок камеры на задней панели.

– Хорошо, Женя. С тобой все в порядке?

Я заверила тетю, что пребываю в добром здравии и в отличном настроении, и отключила связь. Несмотря на почтенный возраст, моя тетя вполне самостоятельна. У нее куча подруг, вместе с которыми Мила посещает концерты в филармонии и театральные премьеры. Ходильник вчера я забила под завязку, в аптеку за лекарствами сходила, так что какое-то время могу не беспокоиться о тете.

– Ну что? Все в порядке? – участливо осведомился Алеша.

– В следующий раз, пожалуйста, не убирай мой телефон, ладно? – как могла мягко попросила я. Но Алеша – существо сверхчувствительное. Он реагирует на малейший признак недовольства.

– Прости, если я что-то сделал не так, – голубые глаза виновато смотрели на меня. Нет, это невыносимо!

– Все нормально. Мне пора, спасибо за кофе.

Пока я одевалась, Алеша ходил за мной следом и задавал какие-то вопросы – когда я появлюсь снова? Хорошо ли мне было вчера? Можно ли ему мне позвонить сегодня вечером?

Да, мне было хорошо вчера… Но ведь сегодня-то уже сегодня! Не слушая вопросов, я чмокнула любовника в щеку, схватила сумку и сбежала по лестнице. Тем более что мне действительно было пора.

Причина, по которой я так легкомысленно отдохнула на чужом диване вместо того, чтобы очертя голову броситься на поиски наследницы, была проста. Вчера, когда родные и близкие все еще выясняли отношения в нотариальной конторе, я подошла к сестре покойного и тихонько сказала:

– Нинель Васильевна, мне обязательно нужно с вами поговорить. Когда мы можем встретиться?

Усатая старушка прожгла меня взглядом, но я не отвела глаз. Мне кое-что нужно от этой женщины, и я своего добьюсь. Видимо, старушка поняла, что от меня так просто не отвязаться. Она тяжело вздохнула и сказала:

– Да, заварил мой братец кашу – не расхлебать… ладно, встретимся с тобой завтра. Когда – я сама скажу. Позвоню тебе. Оставь свой номер, – и сморщенная лапка протянула мне навороченный телефон. Я быстро забила в память свой номер и вернула дорогую игрушку хозяйке.

– Почему завтра? – Я продолжала настаивать на своем. – Время дорого… Может быть, поговорим сегодня?

Усы встопоршились, как иголки у ежа.

– Наглая ты очень, – насмешливо глядя на меня, проговорила Нинель Васильевна. – И дура вдобавок.

– Простите? – Мне показалось, что я ослышалась.

– Дура, говорю! Думаешь, ты умнее всех, а сама глупее таракана. Совсем ничего не понимаешь…

Я продолжала во все глаза смотреть на удивительную старушку. Нинель тяжело вздохнула, удивляясь человеческой тупости, и пояснила:

– Вот смотри, сейчас на нас все пялятся. Если я посажу тебя в свою машину и отвезу к себе, через пять минут после того, как мы закончим разговор, его распечатка ляжет кому-то на стол. Кругом ведь шпионы! Вот что, девонька. Встретимся завтра, как я сказала. Ты как, тачку-то водишь? Слушай сюда. Я тебе в районе полудня звоню, ты прыгаешь в авто и катишь ко мне, куда скажу. Там и побеседуем. Уяснила?

– Уяснила, – кивнула я и поспешно покинула контору нотариуса.

Я вышла из подъезда Алешиной девятиэтажки и остановилась, щурясь от холодного ветра. Я делала вид, что роюсь в сумке в поисках ключей от машины, на самом деле я осматривала двор в поисках «хвоста».

И точно – у соседнего подъезда притулилась вишневая «девятка». Краем глаза я разглядела двоих мужчин, они сидели, откинувшись на креслах. При моем появлении мужики оживились и уселись прямо. Ну конечно, заметили объект наблюдения, то есть меня. Фиг вам, дорогие мои. Не хватало еще подвести Нинель Васильевну и притащить за собой «хвост».

Не торопясь, я села за руль и хорошенъко прогрела мотор «Фольксвагена». Потом медленно выехала со двора, позволяя «девятке» пристроиться мне в кильватер. Я неспешно каталась по городу, предоставляя своим наблюдателям максимально комфортные условия для

работы – притормаживала перед светофорами. Если они отставали, медленно входила в повороты и вообще вела себя как пушистый зайка за рулем.

Звонок Нинель Васильевны застал меня на набережной. Старушка не стала тратить время на всякие ненужные «здрасте», она отрывисто произнесла: «Астраханское шоссе, девятнадцать, четыре» и нажала «отбой».

Я еще немного покружила по центру, а потом покатила в сторону, противоположную той, куда мне было нужно. Я постепенно разгоняла свою машинку. Преследователи забеспокоились и увеличили скорость. Под очередной светофор мы влетели на предельно допустимой. Под следующий – уже превысив скоростной режим. Ничего, у нас тут не Москва, камер на каждом перекрестке пока еще не наставили…

На третьем светофоре я оторвалась от преследователей, оставив их беспомощно бибикать на сплошной поток машин, идущих по главной дороге. Я свернула во двор гигантской девятиэтажки иостояла минут десять во дворе. Пусть злодеи рыскают в напрасных поисках, я просто тихо подожду.

Я вырулила со двора и спокойно покатила в сторону Астраханского шоссе.

Это был пятиэтажный дом «сталинской» постройки – с высоченными потолками и просторными коридорами. Нинель Васильевна проживала на втором этаже. В подъезде обреталась бдительная консьержка, записавшая мои данные в амбарную книгу.

Я поднялась в квартиру. Первая неожиданность – дверь мне открыла юная вдова Серебряка. Девушка мило улыбнулась и пригласила проходить.

Хозяйка ожидала меня в громадной гостиной. Усатая старушка сидела в покойном кожаном кресле итальянского производства, перед ней стоял кофейный столик, на нем три чашки и коробка шоколадных конфет.

Пожилая домработница при виде нового гостя шмыгнула на кухню, а я прошла в комнату и уселась в удобное кресло.

Нинель оглядела меня с головы до ног и покачала головой:

– Неужели правда все, что про тебя говорят? Я тут навела кое-какие справки…

Я пожала плечами и ответила:

– Все хорошее – правда. Все плохое – ложь.

Нинель широко улыбнулась фарфоровыми зубами, глаза при этом остались такими же ледяными.

– Умная ты очень, в этом твоя проблема.

– Нинель Васильевна, у нас мало времени…

– Указывать она мне будет! – Глаза старушки потеплели на полградуса. – «Хвоста» за собой не притащила, умница-разумница?

Я поняла, что Нинель относится к тому типу женщин, кому постоянно необходимо конфликтовать с окружающими – да так, чтобы искры летели. От этого они подзаряжаются, точно аккумулятор от розетки, получая необходимую для жизни энергию. Очевидно, родственники и подчиненные боялись вступать в споры со злобной старушкой, и бедная Нинель недополучала положительных эмоций. А тут я – такой подарок!

– «Хвоста» я скинула, не беспокойтесь.

– И кто это был? – заинтересовалась Нинель, склоняя голову набок, точно ученый скворец.

– Братки, кто ж еще.

– Кира, налей нам кофе! – приказала Нинель Васильевна. – А то Феня, дура деревенская, все разольет.

Силиконовая вдова легко поднялась с кресла, подошла к кофейному столику и принялась колдовать над чашками. Наконец она подала мне крохотную чашечку. Я отпила глоток и восхищенно восхликала:

– Просто потрясающе!

Вдова зарделась, как маков цвет:

– Спасибо! Так редко слышишь что-нибудь приятное!

Нинель фыркнула в свою чашку и сообщила:

– Одна из двух вещей, которые Кирка умеет делать хорошо.

Я чуть было сдуру не спросила, какая же вторая… Но вовремя поняла – старушка только того и ждет. Мне стало жаль юную глупую девочку, случайно ставшую женой Серебряка. Да какой там женой – просто-напросто игрушкой…

– После школы я три месяца работала секретаршей! – гордо сообщила мне Кира. – А потом победила на конкурсе «Тарасовская красавица» и вышла замуж за Иннокентия Васильевича.

Вдова улыбнулась мне и замолчала. Все. Она только что рассказала мне историю своей жизни. Я поставила пустую чашку на столик и приготовилась к разговору.

– Ловко ты меня за яйца взяла, – вздохнула Нинель. – Сразу вычислила, что я в курсе Кешиных дел…

– Вы же самый близкий человек Иннокентию Васильевичу! – слегка польстила я. Вчера, во время оглашения завещания, я поняла, что вопрос, кто же именно был ближе, так сказать, к телу, когда тело было еще живо, являлся самымальным вопросом в этой семейке и темой для бесконечных конфликтов.

Лесть подействовала – Серебрякова приосанилась и погладила свою сумочку, лежащую на коленях, как будто это была кошка.

– Да, я всю жизнь Кеше помогала, – признала сестра покойного, – он одну меня слушал. Все хорошее, что он в жизни сделал, было сделано по моему совету.

– Правда? – Я подалась вперед. Интересно, что же имеет в виду Нинель под «хорошим»? Пожертвования на сирот, что ли?

– Разумеется! Например, когда он в восемьдесят восьмом году освободился, именно я обратила его внимание на нарождающиеся кооперативы. Я же посоветовала брату занять то здание, где находится этот злосчастный ресторан, место его смерти…

Нинель горько вздохнула.

– Скажите, а от чего умер Иннокентий Васильевич? – поинтересовалась я. – Он что, болел?

– Сердечный приступ, – отчеканила Нинель. – Мой брат был самым здоровым человеком, которого я знала. В юности у него был туберкулез, но он давно вылечился. Раз двадцать Кеша подхватывал триппер, но это мелочи, для мужчины это нормально…

Я вытаращила глаза и с трудом подавила невольный смешок. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы сестра Серебряка утратила ко мне доверие. Так что сиди и слушай, Охотникова! И сделай вежливое лицо, пожалуйста. Ржать будешь на улице…

– Скажите, а в его смерти не было… никакого криминала? – поинтересовалась я.

Нинель подозрительно уставилась на меня холодными голубыми глазами – такими выцветшими, что они казались почти белыми.

– Ты почему такие странные вещи спрашиваешь, умница-разумница? Кто-то посмел языком трепать? Да как ты посмела такое спросить-то? Как у тебя язык не отсох?!

– Нет, что вы! – Я немедленно пошла на попятный. Уф, беседовать с этой старушкой – все равно что бегать по минному полю… Типично уголовное поведение – чуть что, рвать на себе майку и орать: «Ну, все! Ты попал! Ты на кого хвост пружишь, фраерок?! Ты теперь должник мой!»

– Просто, когда умирает такое значительное лицо, как ваш брат, – я решила, что лести много не бывает, – люди начинают волноваться. Во-первых, вы же сами сказали, что Иннокен-

тий Васильевич ничем не болел, умер внезапно. А во-вторых, произошло это при странных обстоятельствах – ресторан, множество свидетелей…

Вчера я облазила весь Интернет в поисках подробностей смерти Серебрякова, так что неплохо представляла себе, как все случилось.

– Кеша ушел чисто, – отчеканила сестра покойного. – Неужели ты думаешь, мы не проверяли? Что, умнее всех, да?

Я вздохнула.

– Нинель Васильевна, не подумайте, что я лезу куда не звали. Я вовсе не собираюсь разбираться в обстоятельствах смерти вашего брата.

– Да никто тебе и не позволит, – вставила реплику Нинель.

– Просто, если это был не просто сердечный приступ, а, к примеру, покушение, то это может отразиться на моем задании. Ну представьте… просто представьте на минуту, что кто-то имел злой умысел на вашего брата. И этот кто-то рассчитывал на солидную часть наследства. А теперь вдруг появляется эта самая Маша Сидорова и забирает самые вкусные активы.

– Ты на кого намекаешь-то? – хмыкнула Нинель.

– Ни на кого не намекаю, – вздохнула я, – говорю… гипотетически.

Тут я спохватилась, что моя собеседница может неправильно понять последнее слово и уже открыла рот, чтобы объяснить, как вдруг Нинель Васильевна усмехнулась:

– Не трудись, детка. Я сорок лет проработала на филологическом факультете нашего университета. Так что ты имела в виду?

– Я хочу сказать, что теперь начнется охота на девушку. Наследница разрушила планы множества людей. Какой крик стоял вчера в кабинете нотариуса, до сих пор в ушах звенит…

– Да, это Серебряковы! – с гордостью проговорила Нинель. – Из-за пятака глотку друг другу перегрызть готовы. Причем никто так и не научился зарабатывать денежки сам.

– Кстати, а кто тот красивый молодой человек, что сидел вчера рядом со мной? – не сдержала я любопытства.

– Вовка? Что, зацепил? – усмехнулась Нинель. – Он такой, змей. На бабах паразитирует. Умеет к ним подход найти…

– А ваш брат… как к нему относился?

– Ищешь кандидата на роль убийцы? – приподняла брови Серебрякова. – Брось это дело, поняла? Прямо сейчас. Брат мой своей смертью помер. И вообще – тебя наняли для вполне конкретного дела. Вот его и делай, а в семью нашу не лезь. Давай спрашивай, чего хотела.

Нинель Васильевна взяла со столика портсигар, украшенный какими-то камнями, достала сигариллу и щелкнула зажигалкой. Прикурить dame удалось с третьей попытки. По комнате немедленно поплыл сладкий восточный аромат, и юная вдова, сидевшая напротив, отчаянно закашлялась. Мне показалось, что девушку тошнит, но та стойко не подавала виду. Серебрякова выпустила струю дыма в мою сторону и взглянула мне прямо в глаза.

– Скажите мне, где искать Марию Сидорову. Вы ведь знаете, верно?

– Знаю, – Нинель прикрыла глаза. – В деревне Волчье Ямы.

– Это где?

– Тарасовская область, Каменевский район. На том берегу Волги. Захочешь – найдешь.

– А почему она Владимировна, а не Иннокентьевна, эта самая Маша? – поинтересовалась я.

– Разберешься, – все так же равнодушно, не открывая глаз, ответила Нинель. – Кстати, она теперь не Сидорова. Она Тараканова. Кирюха, принеси!

Вдова поспешила вскочила и принесла из другой комнаты конверт – простой белый конверт без штампов и надписей – и протянула его мне. Я открыла конверт, и оттуда мне на колени посыпались листочки из тетради в клеточку, заполненные неровным дерганым почерком.

— Почитай на досуге, и все сообразишь, — сказала Серебрякова и наконец-то открыла глаза. Взгляд старой женщины был усталым и отсутствующим — похоже, она уже утратила интерес к нашей беседе и теперь думала о чем-то другом.

Кира смотрела на меня и доброжелательно улыбалась. Беседовать с ней было все равно что разговаривать с рыбкой гуппи, поэтому я улыбнулась в ответ и встала:

— Спасибо за помощь, Нинель Васильевна… а можно еще вопрос? Только один.

— На-а-глая! — с нескрываемым удовольствием протянула Серебрякова. — Ну, давай спрашивай.

— Зачем это вам? — спросила я в лоб, не тратя время на всякие экивоки.

— В смысле?

— Ну, если наследницу не найдут, вы получаете основную часть наследства вашего брата. Вы и еще Кира. — Девушка все так же мило улыбалась. — Никто не знал, где искать эту Машу, кроме вас. Вы могли бы промолчать… и поиски заняли бы долгие годы. А вы мне помогаете. Почему?

Кира вопросительно взглянула на Нинель Васильевну и сморщила лобик. Похоже, она тоже не знала ответа на этот вопрос.

— Потому что воля моего брата для меня — закон, — отчеканила Серебрякова. — Иннокентий хотел, чтобы девчонка получила все. Значит, так и будет.

У меня на языке вертелась еще дюжина вопросов, но Нинель явно не расположена была на них отвечать. Я не стала искушать судьбу и покинула квартиру.

Кира накинула шубку и вышла вместе со мной. Ее зимние сапоги имели такие же двенадцатисантиметровые каблуки, как давешние туфли. Коротенькая юбочка открывала стройные ножки. На груди позывкала целая связка золотых цепочек. Вероятно, в ее кругу женщины одевались именно так. Скорее всего, это был идеал женской красоты в представлении Иннокентия Серебрякова. Хоть бы кто посоветовал бедняжке, что можно выглядеть и по-другому. С ее-то деньгами… насколько я помню, вдова получила ювелирный магазинчик, не считая квартиры и машины.

Машина как раз стояла во дворе — снежно-белая «Мазда».

Кира помахала мне рукой:

— До свидания, Евгения Максимовна! Рада была познакомиться.

Я бросила на девочку оценивающий взгляд. Словно вчерашняя школьница.

— Можете называть меня просто Женя, — разрешила я.

— Желаю вам удачи! — вполне искренне проговорила Кира. — Ну, в смысле, в поисках дочки Иннокентия Васильевича. Подумать только, ведь я ей буду мачеха!

И вдова звонко рассмеялась.

— Скажите, Кира… Нинель Васильевна объяснила мне причину, по которой мне помогает… а вам это зачем?

Кира нахмурила бровки:

— Как это?

— Ну, доля вашего наследства была бы существенно больше, если бы Маша осталась в этой своей деревне…

Кира помотала головой, от чего платиновые пряди заколыхались в воздухе:

— Не-ет, я так не могу. Это же последняя воля усопшего! Разве можно ее нарушать?! А вдруг он начнет мне являться?

— Что, простите? — не поняла я.

— По ночам являться! Я смотрела передачу, так вот там говорилось, что неупокоенные призраки…

— До встречи, Кира!

Юная вдова ничуть не обиделась. Она дружелюбно помахала мне ладошкой и забралась в свою тачку. Повозилась на сиденье, устраиваясь поудобнее, зачем-то посигналила и отъехала, едва не протаранив мусорный бак. Я решила подождать, пока девушка не отъедет подальше, и только потом села за руль. Я слишком люблю свой «Фольксваген», чтобы ставить его на пути таких вот красавиц за рулем...

Я ехала по Астраханскому шоссе в сторону своего дома и посматривала по сторонам – не мелькнет ли где вишневая «девятка». Несмотря на атмосферу конспирации, Нинель Серебрякова пригласила меня к себе домой, а ее адрес – ни для кого не секрет. Затрезвонил мой телефон. Я бросила взгляд на экран. Там высвечивался номер Алеша. Я нацепила гарнитуру и включила громкую связь.

– Привет, Алексей. Что-то случилось?

Долгая тишина была мне ответом. Я даже забеспокоилась и переспросила:

– Алло! Алеша, ты где?

– Я дома, – ответил Алексей Львович. – Чай пью и вспоминаю о тебе. А ты где?

– Ездила по делам. Мой рабочий день в самом разгаре. Так что у тебя случилось?

– Ничего, – немного обиженно проговорил Алеша. – Неужели я могу позвонить тебе, только если что-то произошло? А не просто потому, что мне захотелось услышать твой голос?

Вишневая «девятка» вынырнула из потока машин и пристроилась мне в хвост. Ну наконец-то, а я уже волноваться начала… намного приятнее иметь этих ребят поблизости, а не где-то глубоко в тылу.

– Слушай, извини, я немного занята. Что ты хотел?

– Приглашаю тебя пообедать! У тебя же будет обеденный перерыв? Давай встретимся в «Слоне» и закажем пасту. Как ты на это смотришь?

Я вздохнула.

– Положительно смотрю. Проблема в том, что у меня не будет обеденного перерыва. Меня вообще через два часа не будет в городе. Я уезжаю по делам. Так что извини, увидимся, когда я вернусь… Тогда и сходим в «Слона», ладно?

– Но ты ведь скоро вернешься? – забеспокоился Алеша. – Ты далеко уезжаешь?

Поглядывая на «девятку», я перестроилась в правый ряд и притормозила на светофоре, давая браткам возможность не отстать. Не хочу их нервировать – мне лишние неприятности ни к чему…

– В деревню, – честно ответила я, входя в поворот.

– В какую еще деревню?! – изумился Алексей. – Зачем?

– В деревню Волчья Ямы.

– Какие ямы?..

– Волчья, волчья… деревня такая на левом берегу Волги. Все, мне пора, извини. Приеду – позвоню.

И я поспешила отключить связь. Мне нравится Алексей Львович – он красивый мужик, отличный партнер в постели, с ним приятно выйти куда-нибудь «в свет»… но с тех пор, как я с ним познакомилась, у меня порой возникает ощущение, будто у меня теперь две тетушки… «Куда уезжаешь?», «Когда вернешься?», «А там не опасно?», «Только не забывай повязывать шарфик и води осторожно…»

Да, блин, там опасно. Там, может быть, даже немножко стреляют… Но это – моя работа. И если ты меня любишь, как иногда говоришь, то тебе придется с этим мириться…

Я оставила машину во дворе своего дома и поднялась в квартиру. Тетушки не было – она оставила мне записку, что ушла в гости с ночевкой к Элизе Францевне. Это была старая подруга Милы – такая же театральная маньячка, как и тетя. Проживала она аккурат через дорогу от оперного театра. Вот и хорошо – значит, тетя не будет скучать в мое отсутствие.

Я сварила себе кофе, сделала пару бутербродов и уселась за кухонный стол. Включила настольную лампу, взяла лупу, разложила на чистой поверхности стола письма, которые дала мне Серебрякова, и погрузилась в их изучение.

Минут через пятнадцать я откинулась на спинку стула. Кажется, я начинаю разбираться в этой загадочной истории...

Передо мной лежали десять писем. Девять были написаны косым дерганым почерком, с жуткими орфографическими ошибками, под ними стояла подпись «Жанна». Одно письмо, адресованное этой самой Жанне, написала сама Нинель Васильевна Серебрякова. Вся переписка была давней – велась она лет пятнадцать-двадцать назад.

Я разложила бумаги в хронологическом порядке.

Самое старое письмо – двадцатилетней давности, судя по дате, – было адресовано Иннокентию Серебрякову.

«Любимый, – писала неизвестная мне Жанна, – эту маляву тебе отнесет мой адвокат. Он продажный и на все согласен ради бабла. Он мне советует во всем сознаваться, каяться и валить на тяжелое детство. Мол, я сирота и вообще целка-пионерка, а кислотой в эту мокрощелку плеснула, потому как на меня затмение нашло. Не верю я ему – сознаешься, и закатают по полной. Не мог бы ты найти мне нормального законника вместо этого фуфела?

Ты ведь знаешь, любимый мой, – я облила эту тварь кислотой не потому, что затмение нашло, а потому, что я тебя больше жизни любила и сейчас люблю.

Как красиво мы с тобой жили! Рестораны, бары, курорты – все было. Помнишь в городе Сочи темные ночи? Я каждую ночь вспоминаю. Особенно тут, в заплеванной камере. Красиво жили – но недолго. Променял ты меня на дуру крашеную. Ты же ей победу в конкурсе красоты сам оплатил, это всем известно. Так что ничего красивого в ней нету – так, кости одни. И если бы мне судьба-судьбинушка дала второй шанс, я бы еще разик в ее морду кислотой плесканула. Ни о чем я не жалею, любимый мой. Ни о молодости шальной моей. Ни о тюрьме, где сейчас тебя вспоминаю.

Помоги мне, Серебряк. Вытащи меня отсюда. Целую тебя, как ты любишь. Твоя Стюардесса по имени Жанна».

Второе письмо было написано через месяц после первого. Тон его разительно изменился – теперь Жанна ни в чем не упрекала бывшего возлюбленного, а только просила, чтобы он нашел ей хорошего адвоката и помог скостить срок. Я так поняла, что женщина нервничала в ожидании суда. Из письма становилось ясно, что короткий роман с Серебряком – лучшее, что было в жизни Жанны. Фамилию ее я так и не выяснила, зато сделала вывод, что девушка родом из деревни Грачи Тарасовской области. Похоже, Жанна приехала в областной центр поступать в техникум, но проучилась совсем недолго – огни большого города сбили деревенскую дуреху с пути и толкнули в объятия местного авторитета. На момент переписки Жанне было лет восемнадцать-девятнадцать, не больше. Девушка боялась зоны и старалась вызвать в бывшем возлюбленном хотя бы тень былой привязанности. Судя по всему, безрезультатно.

Несмотря на юный возраст, Жанна не показалась мне невинной овечкой. Скорее Стюардесса была этакой криминальной красоткой девяностых – настоящей подругой бандита. Она осторожно намекала на какие-то известные Серебряку обстоятельства – я думаю, их связывали и общие дела, в которых девушка принимала участие. Жанна считала себя частью криминальной элиты Тарасова и просто не могла поверить, что любимыйбросил ее со счетов.

Третье письмо было важным – уже на зоне Стюардесса обнаружила, что беременна. Причем даже не сама поняла, а выяснилось это случайно – во время медосмотра. Несмотря на всю свою лихость и криминальные замашки, Жанна была просто юной дурехой и проморгала такое важное обстоятельство.

Поскольку Стюардессе уже исполнилось восемнадцать, ее отправили на взрослую зону. Почти сразу же ее изнасиловали бывалые зэчки, а потом одна из «королев» взяла Жанну под

свое покровительство. Девушка жаловалась, что кормят очень плохо – «жрать нечего, все крадут», работа тяжелая и непривычная – они там шили солдатскую форму. Да уж, зоны девяностых – это отдельная тема…

Настроение девушки поминутно менялось – от слезливых просьб Стюардессы переходила к угрозам «все рассказать», упрекала «любимого», что он бросил их – свою «жену» и свою «кровиночку». Фантазировала, каким красавцем вырастет их сыночек и как сильно будет похож на отца…

В следующем письме никаких закидонов и просьб не было – ровным холодным тоном Жанна извещала Серебряка, что у них родилась дочь. Девочку назвали Машей.

Беременность здорово помогла Жанне – ее положили в больничку, а после родов молодую мать перевели на «легкий труд». Стюардесса подала прошение о помиловании, а вскоре попала под амнистию. За ворота зоны она вышла с двухлетней дочкой на руках.

Следующее письмо было адресовано самой Жанне и написано ровным каллиграфическим почерком Нинель Васильевны. Листок был измят и даже порван на стибе – как будто его комкали и много раз перечитывали.

«Здравствуй, Жанна. Пишу тебе «здравствуй», потому что я вежливый и воспитанный человек. На самом деле я хочу, чтобы ты исчезла с лица земли и больше не тревожила моего брата. Зачем ты переслала мое письмо Иннокентию? Ты что, не понимаешь, что я веду с тобой переписку от его имени? До тебя еще не дошло, что Кеша не хочет тебя видеть – ни тебя, ни твоё отродье? Я прекрасно знаю, какой образ жизни ты вела, когда познакомилась с моим братом. Не надо лгать, будто ребенок от него! Ты неизвестно от кого нагуляла, а теперь требуешь денег? Удивительная наглость!

Но мой брат – добрый человек. Ты получишь деньги, но при одном условии. Ты уедешь из Тарасова и больше никогда не будешь путаться у нас под ногами. В противном случае мой брат устроит тебе такие неприятности, что по сравнению с ними зона покажется тебе раem. Деньги тебе передам я лично. Позвони мне завтра в полдень, я скажу, где мы встретимся. Не вздумай приходить к нам домой!

Убирайся в глушь, откуда ты вылезла, и живи там долго и счастливо. Кеша скоро женится на хорошей девочке, и она родит ему настоящих наследников. А ты живи как знаешь. Денег тебе дадим достаточно. Хватит, чтобы купить дом в деревне. Если дать слишком много, ты никогда не уберешься отсюда. Все, поговорили. Жди звонка».

Судя по тому, что в письмах образовался немалый перерыв, Жанна послушалась и уехала из города. Следующее письмо пришло из деревни Грачи.

«Здравствуйте, Иннокентий Васильевич, – писала Жанна. – Сообщаю вам про изменения в моей жизни и вашей дочки тоже. Машенька здорова и чувствует себя хорошо. Она очень умненькая и уже разговаривает. Любит мультфильм «Ну, погоди». Показывает на волка пальчиком и говорит: «Папка!» Другого папки у нее нету. Но скоро будет. Я выхожу замуж, вот так вот!

Я еще молодая и красивая. Ко мне посватался Вовчик Сидоров, мы с ним вместе в школе учились, только он старше. Вовчик хочет удочерить Машеньку – говорит, у девчонки должен быть отец. Так что она станет не Серебрякова, и не Иннокентьевна, а Мария Владимировна Сидорова. Это я пишу на случай, вдруг ты передумаешь и захочешь ее найти. Жить мы будем в Грачах. На те деньги, что сестра твоя дала, я купила дом – хороший, просторный, не то что развалюха моих родителей. Так что жить мы будем очень хорошо, чего и тебе желаю. Когда-то твоя, а теперь чужая Стюардесса».

У меня создалось впечатление, что Жанна слегка не в себе. Она и в юности-то была неуравновешенной – чего стоит только история с кислотой! А с годами, учитывая пережитые девушкой испытания, психопатические черты ее личности расцвели пышным цветом. Но

последнее письмо мне понравилось – оно было написано здравомыслящим человеком и содержало трезвое намерение порвать с прошлым и строить новую жизнь.

Было еще несколько писем – в одном говорилось, что Маша тяжело болеет желтухой, и ей нужны дорогие лекарства. Денег Жанне прислали, она благодарила Нинель. В другом письме сообщалось, что девочка хочет бросить школу и уехать в Тарасов – мать с трудом уговорила своюевольную Машу не делать этого. Это письмо – про школу – было написано года три назад. Последние письма были адресованы Нинель Васильевне – судя по всему, Стюардесса потеряла надежду привлечь внимание Иннокентия и ему самому не писала. Эти письма были отправлены из Тарасова. Странно… если Жанна с дочерью в городе, для чего мне тащиться в эти самые Волчьи Ямы? Вот названьице!..

Я заварила чаю, включила ноутбук и принялась выяснять, где эти самые Ямы находятся.

Так, вот Тарасовская область, вот Каменевский район… Деревня Грачи, откуда родом Стюардесса, располагалась на правом берегу Волги – там же, где и областной центр Тарасов. А вот Волчья Яма – крохотная деревенька, просто точка на карте – помещались на левом, и ехать туда нужно было по мосту. Похоже, моему автомобилю сегодня придется побегать…

Я быстренько собрала сумку, заперла квартиру и сбежала по лестнице.

Вишневая «девятка» высывала свой любопытный нос в форме зубила из арки. Так, мне надоело, что эти типы таскаются за мной, как утюта за мамой-уткой. Крутя на пальце ключи от машины, я направилась к «девятке». Сидевший за рулем парень забеспокоился. Он завел мотор и даже немного сдал назад. Я едва не расхохоталась, представив, как он улепетывает от меня задним ходом по улице. К счастью, у второго братка, сидевшего на пассажирском сиденье, хватило ума пихнуть своего напарника в бок и заставить дождаться меня.

Я подошла и наклонилась, пристроив локоть на опущенное стекло. Для беседы я выбрала того, кто поумнее – сидевшего на пассажирском месте.

– Здорово, ребята, – приветствовала я парней. Гапон и Вишня приставили ко мне коротко стриженных пацанов, по виду типичных «коловушек». Эх, не ценит меня братва…

Парни таращились на меня как баран на новые ворота – очевидно, им дали инструкцию следить за мной и не предупредили, как действовать в непредвиденных ситуациях. Приказа у них не было, а сами думать они не умели. Так что мое появление поломало им простой и понятный сценарий.

– Вы чего, так и будете за мной тащиться до самой деревни? – поинтересовалась я.

– Какой… деревни? – переспросил водила, моргая белыми, как у теленка, ресницами.

– Ну, той самой, где наследница живет. Дочка Серебряка.

Братки переглянулись. Я вздохнула.

– Передайте тому, кто вас послал, что ездить за мной совсем необязательно. Я найду девочку и привезу ее в Тарасов не позднее завтрашнего вечера. По дороге я ее не съем, так что таскаться за мной не надо, а надо просто подождать. За доставку мне платят хорошие деньги, так что я заинтересована в том, чтобы выполнить работу побыстрее. Я тебе оставлю номер моего сотового, так что вы всегда сможете со мной пообщаться. Давай звони начальству!

«Теленок» послушно полез в карман за телефоном, а я направилась к своей машине. Завела двигатель и принялась прогревать мотор. Надо на заправку заехать – путь предстоит неблизкий…

Прошло не больше десяти минут, как напарник «Теленка», конопатый парень в дорогой кожанке, подошел ко мне.

– Ну? – Я приоткрыла дверцу.

– Ага, езжай! – кивнул браток. – Тебе разрешили. Номер говори давай и кати себе.

Я продиктовала номер, конопатый прилежно жал на кнопки своего мобильного, забивая его в память. А потом я попросила парня проверить, правильно ли он записал. Конопатый поступил предсказуемо – он попросту нажал вызов. Мой сотовый запиликал, и я нажала сброс.

— Пока! Привет начальству! — отсалютовала я браткам и нажала на газ. На этот раз «девятка» за мной не последовала. Только отъехав на порядочное расстояние, я остановила машину и сохранила высветившийся на экране моего телефона номер братка. «Конопатый» — вот как я его назвала. Кто его знает, может, и пригодится...

Очень скоро выяснилось — говоря, что привезу Машу Сидорову в Тарасов не позднее завтрашнего вечера, я сильно погорячилась. Дорога до Волчьих Ям заняла у меня восемнадцать часов, хотя по карте от Тарасова до деревни было не больше двухсот километров.

Нет, по трассе я ехала нормально, с хорошей скоростью, да и мост через Волгу пересекла в соответствии с составленным мной расписанием. Я уже прикидывала, ночевать мне в этих самых Ямах или, найдя наследницу, уже сегодня выехать с ней, вечером, с тем, чтобы быть в городе рано утром... и вот тут дорога закончилась. Следующие несколько часов мой «Фольксваген» полз медленно, как подстреленная утка, переваливаясь по чудовищным ухабам. Судя по всему, дорога была грунтовая, и под снегом притаилась грязь — схваченная по осени морозом, она так и застыла причудливыми горами. Танки по этой дороге ездили, что ли?! Я стискивала зубы, слушая вой мотора, мысленно просила прощения у инжектора и пообещала четырехколесному страдальцу новые свечи и ароматическую елочку в салон. Надо было одолжить у кого-то из друзей джип. Ну, хотя бы попросить «Ниву» у моего знакомого капитана Алехина. Честный полицейский ездил на своем агрегате на охоту и зимнюю рыбалку. Но сейчас его жена родила двойню, так что капитану точно не до охоты...

К деревне я подъехала уже под утро. Бледный февральский рассвет поднимался над безрадостными снегами. Может, летом здесь и красиво — речка, цветочки... но сейчас Волчье Ямы выглядели как декорации к фильму ужасов. Я медленно проехала по главной — и единственной — улице, разглядывая поселение. Все дома были деревянные, причем некрашеные. Выстроены они были лет пятьдесят назад, от чего дерево приобрело цвет старой кости — это в тех местах, где не было черным от гнили. Крыши тоже какие-то трухлявые, крытые черным толем с заплатками. Нигде ни малейшего следа ремонта или материалов типа кирпича, сайдинга или вагонки, с помощью которых можно любую развалюху превратить в пригодный для проживания дом.

Ни одна труба не дымилась. Волчье Ямы больше всего напоминали те населенные пункты, куда герой фильма приходит и обнаруживает, что все местные жители поголовно лежат в гробах и спят. А с наступлением ночи вылезают, и начинается веселье. Из приезжих они готовят барбекю, а действие чаще всего происходит почему-то в Мексике...

Я решила не форсировать события, а подождать, пока обитатели Волчьих Ям проснутся сами, естественным порядком. Поэтому я отогнала машину на обочину улицы, заглушила мотор, поплотнее запахнула куртку и закрыла глаза. Устроилась поудобнее и приказала своему внутреннему будильнику сработать через полтора часа.

Проснулась я оттого, что кто-то дергал ручку двери с моей стороны. Я открыла глаза и обнаружила, что прямо передо мной на капоте сидит пацаненок лет пяти в цигейковой шубе и валенках и деловито пытается свинтить «дворники». Второй деятель, на пару лет постарше, пытался открыть дверцу.

Я вышла из машины, и детишек как ветром сдуло. Я стояла на улице. Под ногами у меня кружила поземка — словно белые снеговые змеи торопились поскорее убраться из этого населенного пункта. Мне тоже здесь не нравилось, но у меня есть дело, и я не уеду, пока не выполню задание.

Время приближалось к десяти утра, но улица по-прежнему была пуста. Кое-где над крышами поднимался печной дым. Большинство строений выглядели заброшенными и нежилыми, у некоторых окна были заколочены досками крест-накрест. Я медленно шла по улице, раздумывая, в какой дом постучать и кого спросить. «Она теперь Мария Тараканова», — звучал у меня в ушах голос Нинель. Так я дошла почти до самого конца улицы, спускавшейся к Волге.

Февральским утром река выглядела как заснеженная пустыня. Кое-где у берега торчали вмерзшие в лед лодки – очевидно, местные жители поленились убрать их на зиму. Предпоследний от Волги дом оказался обитаемым. Из трубы валил дым, а у колодца, стоя ко мне спиной, копошилась невысокая тощая старуха в телогрейке, пуховом платке, валенках и тренировочных штанах с лампасами.

– Бабушка! – позвала я, и старуха обернулась. Лицо у нее оказалось такое темное, будто бабка была уроженкой Зимбабве, а не деревенки над Волгой. Седые волосы свисали, точно сантехнический лен.

– Бабушка, где мне найти Марию Тараканову?

Старуха смерила меня подозрительным взглядом:

– А на что она тебе?

Голос у бабки был сиплый, прокуренный. Старуха ловко вытянула из колодца ведро и поставила его на край.

– Мне бы с ее матерью побеседовать. С Жанной.

– Ну, я Жанна. Чего надо-то?

Позвольте! По моим подсчетам, Жанне, в прошлом носившей погоныло Стюардесса, сейчас лет тридцать шесть-тридцать восемь?!

– Вы в курсе, что Иннокентий Серебряков скончался недавно? – спросила я, все еще сомневаясь в том, кто передо мной. Но реакция собеседницы развеяла мои сомнения.

«Бабка» сдернула с головы платок, упала на колени в снег перед колодцем и широко перекрестилась. Потом повернула ко мне широкое, дубленное солнцем и ветром лицо и проговорила:

– Слава тебе, господи! Скоптился!

Глава 3

– Да вы заходите в дом, не стесняйтесь, – пригласила меня Жанна, поднимаясь с колен и отряхивая снег. – Радость-то какая!

Изумляясь причудливым извивам прихотливой женской души, я прошла в «дом» – некрашеное деревянное строение с крытыми сенями и двумя окнами, подслеповато глядящими на улицу. По сравнению с остальными зданиями в деревне этот дом выглядел бы еще ничего, вот только угол у него был закопчен пожаром, и покосившуюся стену просто-напросто подперли бревном, на чем ремонт и закончился.

– Леха, Леха, вставай! У нас гости! – войдя в дом, Жанна подскочила к лежащему на диване мужику, укрытому одеялом, и затрясла его. Но тот только замычал что-то и повернулся на другой бок. До меня донесся мощный запах перегара.

– А, ну тебя! – махнула рукой Жанна. – Все равно никакого толку от тебя, колода ты, а не мужик! Да вы присаживайтесь!

Хозяйка радушно подвинула мне шаткую на вид табуретку. Я осторожно присела, а Жанна захлопотала по хозяйству. Комната в доме была всего одна, перегороженная занавесками. Плита с газовым баллоном стояла прямо рядом с диваном, на котором спал мужчина. Стол был деревянный, накрытый kleenкой с изображением выглядывающих из ботинка котят. Все вокруг носило следы ужасающей бедности – не просто недостатка средств, а черной нищеты, какая бывает только у сильно пьющих людей.

По полу было рассыпано пшено, и прямо под ногами бродили пестрые куры. Пахло как в курятнике.

Жанна скинула телогрейку и осталась в заношенном спортивном костюме. Волосы женщины оказались не седыми, а просто белыми, только свалившимися, как войлок. Жанна широко улыбнулась мне, демонстрируя почти полное отсутствие зубов. Не верилось, что под этой страшной маской прячется бывшая Стюардесса, криминальная красотка, подруга авторитета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.